

Не мог заснуть, сбил простыню в верёвку. Утром встал разбитый, будто из трясины вылез. Загадочные коммунальные боги отключили отопление. На улице декабрь, холодно. Сварил кофе. Как удав, проглотил бутерброд. За окном мёрзнет каштан, по ветке ходит ворона, ровно напротив окна.

– Вот такая вот Ева, из Риги, – сказал я вороне. Птица кивнула печально, спрыгнула куда-то вниз и пропала. Покончила с собой от холода и неразделённой любви.

Ехал на работу, на углу Большой Монетной заметил белое пальто. Свернул следом, испугал невиноватую студентку. Час потерял, пытаюсь развернуться. Удивительно много в Питере белых одежд. Город в начале зимы грязный. Всё, что ступает по тротуару, быстро принимает цвет асфальта. Кто эти романтические храбрецы в белом – непонятно. Тайный прибалтийский орден любителей стирки. На работу я опоздал.

Катя напекла пирожков, офис гуляет. Я не хочу есть. Взял один, лень было объяснять про смерть аппетита. Сказал, оставляю на обед. Катя заявила, только негодяи отказываются от пирожков, когда весь прогрессивный мир негласно толстеет. И не является ли моё поведение выпадом против неё лично? Если так, то она пойдёт, немедленно нажалуется папе.

Пришлось кусать. Пирожок встретился с капустой. А были ещё с яблоками и с картошкой. Захочешь – возьмёшь, сказала Катя. Наверное, дома у неё, занавески и салфеточки, флоксы на окне. Пахнет борщом. Без тапок ходить нельзя, будешь оштрафован второй тарелкой супа. Папа, мама и телевизор образуют единый организм по вечерам. Интересно, что она говорит родителям, когда ночует вне дома.

Вкусный пирожок. Вряд ли Ева такой наколдует. Евы, это вам не Кати. Евы в доме для красоты и тонких бесед, не ради гастрономических нужд. Наверняка, она обедает чашкой кофе и половинкой яблока. Если вдруг гости, закажет пиццу размером с солнце. Я полез посмотреть в Гугл, где там эта Рига. И водятся ли в ней пиццы. От моего Васильевского шестьсот километров на юго-запад. Прогноз говорит, там тоже мокрый снег. Ночью -1, днём +2. Всё как у нас.

На фотографиях Риги готические конусы, золотые петухи на голубом или сером фоне. Парк с кривыми дорогами, выгнутый мост. В рабочих районах будки, граффити и ржавый автопром. Много-много воды, всякой. Реки, дожди, сугробы, море, льды и пена. В огромной луже утонул трамвай. Я смотрел сверху на нитки улиц. Представлял, где бы она могла жить. Наверное, в центре. Незаметно дошёл в мечтах до сцены, где я в гостях пью чай. Потом киношная склейка – и вот уже колесим по Италии на приличном авто. Обнимаемся, сидим в ресторане с видом на мягкий приморский климат.

Работать не хотелось. Статья о волшебных свойствах кетчупа «Мужской» неделю как прокисла. Дурацкое название. Клиент задумал осчастливить страну новым соусом. Приходил в офис такой, черноусый. Опалил взглядом девичьи зады. Директор завода овощных консервов. Обратился к нам по совету друга, производителя тех самых майонезов для ломких и сухих волос.

Черноусый лично придумал два соуса. Называются «мужской» и «женский». Первый добавляет едуку потенции. С вытяжкой из морских огурцов. Для дамского соуса помидорный директор не смог сочинить добавок. Поручил нам. Конечно, с такими усищами, кроме мужской потенции он может размышлять только об огромной мужской потенции.

Кетчуп – продукт семейный. Покупают его женщины. Если жена подаст на ужин эрегирующую

приправу к сосискам, муж набычится. Но наш Гамлет Суренович никогда не спорит с заказчиком. Шеф собрал творцов и приказал расширить торговую гамму до пяти наименований. Так появились томатные соусы:

«Тёщин», особо густой.

«Детский», с витаминами.

Ещё один сорт предложил лично шеф. Он сказал:

– Давайте сделаем кетчуп «Милая бабушка». С кусочками овощей.

Я остановил полёт начальственной мысли:

– Будет выглядеть, будто мы запихнули в бутылку рубленую старушку. Хотя, если на этикетке сразу честно напечатать каннибалов, выйдет даже изящно. Получится вирусный маркетинг. Мы взорвём Интернет!

Гамлет Суренович посмотрел недовольно. Сказал, что ждёт от нас гениальных концепций. Раз все такие умные. А мне отдельно написать статью со скрытой рекламой. На случай, если клиент захочет публикаций. Господа таланты разбрелись рожать идеи.

С тех пор прошла неделя. Муза ко мне так и не собралась. Нужно идти сдаваться. Приходить пустым рискованно, я накидал абы каких глупостей. Кетчуп с овощами можно назвать «Дача». Будто бы из помидоров, выращенных на частных грядках. Суреновичу будет приятно, это же его идея.

Для рекламной статьи переписал биографию Генри Хайнца. Разбавил байками о пряностях. Перемешал абзацы в единое творение. Выбросил марки конкурентов. Получилась бодрая история об абстрактном американце, который начал карьеру с тёртого хрена, перешёл на огурцы, но разорился. В 1876-м году попробовал китайский томатный соус ке-циап. Повторить рецепт не смог, зато изобрёл знаменитый «Кетчуп». Через пятьдесят лет помер мультимиллионером. Кроме прочего, Хайнц додумался разливать свою бурду в прозрачные банки. У покупателя возникало ощущение, будто он видит, что покупает. Это был прорыв в искусстве обмана потребителя.

Дальше шли бесполезные справки о самом жгучем в мире перце. Когда-то таковым считался сорт «Красная Савина», но недавно его переплюнул некий Бут Джолюкиа.

Волнующие сведения про ожоги рта я выбросил. Написал эпилог с моралью. Нужно было увязать помидор с тестостероном и потенцией. Притянул за уши унылый аргумент: американцы-де агрессивная нация, потому что жрут кетчуп танкерами. От такого мощного пассажи новорожденная мораль истории сдохла, не вздохнув. На слове «маскулинная» вспомнил вдруг, как нёс на руках Еву. И как при этом пахли её волосы. Напасть какая-то. Срочно выбросить из головы. Вздохнул, собрал бумаги и пошёл совещаться.

* * *

Вечером поехали в ресторан, праздновать итоги года. Шеф пригласил самых любимых своих клиентов. В углу усадил струнный квартет, отраду хищной души. Задвинул пламенную речь о небывалых успехах.

Я твёрдо решил не вспоминать латышских вертихвосток. А то весь день парил над ржавыми

рижскими крышами, только расстроился. Пианист должен ходить по Земле.

Бал набирал силу. Я взял с подноса бокал тёмно-зелёного яда, побратался с незнакомыми дядьками. Дядьки меня благодарили за какие-то прошлые триумфы. Ничего не помню. Я в ответ любил их всей душой. Помню, нашёл себя сидящим с Катей. После двадцатого примерно тоста «за нескончаемое расстройство желудка сразу у всех работников фининспекции», Катя повернулась ко мне. И стала долго, долго рассказывать, как отдыхала в Грузии и порезала ногу. Тем же вечером я переписал её рассказ. Вышла отличная колонка для журнала «Бэль». Вот этот бессмертный текст:

Многие грузины считают, что Айболит не выдумка, а настоящий доктор, еврей, практикует где-то в Сванетии. Они очень доверяют медицине. Если написано, что доктор пришел зайныке ножку и зайныка скачет, значит, так оно и есть. Быть врачом в Грузии – почётная и опасная работа. С одной стороны, докторов ценят, дарят еду, украшения, деньги и даже лишних дочерей пытаются. С другой – могут заколоть сгоряча.

Моя подружка Катя наступила на битую бутылку. Она посещала пляж в районе Батуми и с отдыха поехала прямо в больницу. Грузинский дядя доктор штопал Катину ногу очень аккуратно. Ей даже показалось, он готов был забрать эту ногу к себе на дачу. Так ему понравилась пяточка.

Штопка получилась – высший класс. Края раны аккуратно обмётаны. Узелков штук сто, всех видов. Доктор хотел бы вышить ещё розочку или свою фамилию, но было уже нечем. Нитки кончились, ногу пришлось отпустить домой. Он лишь вздохнул печально.

Следующие две недели Кате было запрещено ходить по стёклам, поэтому и рассказывать не о чем.

И вот возвращается она в больницу снимать швы. Хромает там и сям, по коридорам и центральным залам. Больных кругом полно, а медиков нет совсем. Вообще никого. Ни докторов, ни сестёр, ни уборщиц. Катя вернулась в регистратуру. К ней бочком придвинулась пациентка в полосатой пижаме.

– Вы чего-то ищете? – спросила она, мрачно оглядываясь.

– Мне бы доктора Бабадзе, швы снять.

Катя показала женщине красиво вышитую ногу.

– Идите за мной. Только быстро.

Больная в пижаме заспешила куда-то вглубь. По дороге озиралась. Выходя на лестницу, смотрела вверх и вниз, в пролёты. Катя смело шла за этой психической.

Они пришли к палате с оторванным номером. Женщина постучала секретным стуком, вошла внутрь. Предварительно посмотрела по сторонам. Через минуту вышла под руку с доктором Бабадзе. Он тоже был в пижаме и сначала осмотрел коридор, потом только выскользнул. Выглядело всё очень опасно и таинственно. Отряд стал пробираться приблизительно на юго-запад. Пришли в котельную. Доктор вытащил из кармана пинцет и ножницы. Опустился перед Катей на колени, начал срезать узелки. Больная женщина в пижаме осталась в коридоре, на шухере.

– Вы каждую пятницу играете в разведчиков? – задала Катя наводящий вопрос.

- Нет. Это всё из-за дедушки Резо, - вздохнул доктор и рассказал историю из жизни горной медицины.

Дедушку Резо привезли на уазике. У машины не было крыши и номеров. Это была не машина, а настоящий горный конь. Дедушка Резо слыл хорошим, тихим дедушкой. Его болезнь называлась «сто два года». Он почти не ходил. Но родных смущало другое. Они заметили, в патриарха входит меньше вина, чем раньше. Его привезли в больницу. Старик неделю шутил, улыбался, щипал за попы младший персонал. Потом однажды выдохнул - и не вдохнул больше. Закатил глаза, тихо уплыл за облака пасти райских баранов.

Главным недостатком усопшего была кровожадная родня небывалой численности. Её прибытие ожидалось с минуты на минуту. Родственники должны были спуститься с гор лохматой лавиной, и прямо в больницу. Описывать внукам, как дела у дедушки никто не хотел.

По предыдущим дедушкам было известно: родственники станут бегать и махать кинжалами. Если встретят человека в белом халате, могут отсечь что-нибудь нужное. Поэтому персонал надел пижамы и прячется. Ортопед в пятой палате, анестезиолог в сквере симулирует аппендицит. Нужно просто выждать. Время кипения джигита не превышает двух часов. На прощание они проткнут шины невиноватой «скорой помощи» и поедут домой.

Кате было жалко «скорую помощь». Но не настолько, чтоб возглавить оборону.

Доктор поднялся с колен, сложил инструмент. Женщину в пижаме он назвал Натальей Ивановной, попросил перевязать. А сам ушёл пригибаясь, как снайпер.

Наталья Ивановна достала из декольте бинты и йод, стала бинтовать.

Катя говорит:

- Такой аккуратный этот, Бабадзе. Так зашил ровно.

Наталья Ивановна вздохнула:

- Это главврач придумал привязать зарплату хирурга к числу швов. Бабадзе теперь строчит, как японский оверлок. До тридцати стежков на сантиметр. Но получается правда, красиво...

- Ну и вот - закончила историю Катя. - Хочешь посмотреть?

И показала полностью исправную ногу.

Я взял ногу в ладони. Сказал, обращаясь к колену:

- Дорогая Катина нога. Пожалуйста. Поехали сегодня ко мне. Я сыграю вам джаз, потом мы станем целоваться.

Катя забрала ногу, повернулась боком. Стала говорить сердито:

- Я ему всю жизнь выплеснула, распахнула девичью душу. А он хочет с ногой устроить джаз. У мужчин одно на уме. Контрабас и девки. Все вы одноклеточные.

- Это значит «Да»?..

- У этой прекрасной ноги, Матвей Александрович, есть хозяйка. Между прочим, очень строгая. Нога её слушается и сама по себе не пойдёт. Тем более, с нетрезвым пианистом.

Мне стало наплевать, насколько суров наш папа. Как-нибудь разберёмся. Катя хорошая и всё наладится. Я прикинул, есть ли в доме чистые простыни. Стал насвистывать военные марши. Иногда нам кажется, через какой-нибудь час мы сбросим на пол одежды и никакой антициклон не остановит грядущую бурю в постели. И если мы так считаем, значит сегодня определённо светит одинокая ночь в холодной постели. Никаких страстей. Может быть, даже раздеваться не захочется.

Вдруг зазвонил телефон. Незнакомый номер. Не люблю ничьи номера. Чаще всего за ними прячутся злые силы. Ни разу ещё не позвонили знакомые добрые люди, чтобы незатейливо пригласить на копчёную форель под белое вино. Обычно, это или залитые соседи, или продавцы услуг, фантастических в смысле ненужности. Тысячу раз я зарекался проверить, кто в телефоне живёт.

Аппарат подпрыгивал от нетерпения. Катя показала бровью, насколько он не вовремя. Она была ближе и обаятельней мокрых соседей и марсианских коммивояжёров. Я сбросил вызов и мгновенно о нём забыл.

Мы хихикали, перемывали кости коллегам. Даже ходили танцевать. Катя смеялась, я был в меру учтив. И снова звонок. Следовало ответить что-нибудь такое, от чего неприятель в ужасе бы разбежался.

- Да. Слушаю. - Ответил я голосом опасного маньяка на взводе.

- Алё? - услышал и не поверил. Знакомый мягкий акцент.

- Алё, Матвей, это Ева.

Стало жарко. Она пояснила на случай, если у меня мощный склероз:

- Ну, вы пытались в субботу задавить одну туристку. Так вот, напрасно не довершили начатое. За вашу нерешительность я стану являться вам во снах и в телефоне...

Непонятно, где она раздобыла мой номер. Хотя, понятно, позвонила в больницу, там доктор Пивоваров сдал. Романтический наш. Ещё не зная, зачем она звонит, я всё равно почувствовал себя поцелованным пятиклассником. Разулыбался.

- Ева, здравствуйте, Ева. А-а-а... тут у меня шумно...

Прикрыл рукой свободное ухо и увидел Катины глаза. Точней, Катя поймала мой взгляд.

- Это клиент, - позорно соврал я шёпотом. Зря соврал. Теперь Катя точно знает, что не клиент.

Ева заговорила отчётливей:

- Матвей, я стараюсь громче. Но я не Монсеррат Кабалье, поймите. У вас в машине остался номерок химчистки. Ну, от пальто. Может, выпал где-то. Я ходила на штурм, всё зря. Там дурные нравы. Не отдадут. Они не понимают, зачем такая приличная трезвая девушка лежала в грязной луже всей спиной.

- Ева, я сейчас немного занят...

- А-а-а. Я поняла. Вам не удалось переехать, вы решили меня заморозить. Вы страшный человек на злом автомобиле. Отдайте квитанцию. Я клянусь уехать домой и никогда не

пересекать улиц, где ездите вы и ваш трактор.

– Ева, послушайте, сегодня всё закрыто. Все химчистки спят. У них режим. Я завтра вам перезвоню, хорошо? Хорошо?

Катя ни о чём не спросила. Её вдруг заинтересовал старший брат секретарши. Речь о нём шла с другой от меня стороны. Я полчаса ходил кругами, потом предложил уехать вместе, всё-таки. Катя посмотрела внимательно, встала с прямой спиной. Очень выразительный у неё позвоночник, иногда. Мы спустились молча, поймали такси. Я назвал свой адрес. Катя попытала, но опять смолчала. Пока ехали на Васильевский, вроде бы оттаяла.

Обычный вечер. Сидели под торшером, пили кофе, смотрели Альмадовара. Говорят, лучший способ превратить эстетский вечер в романтический – это подойти и обнять, молча. Дальше наладится. Счастлив тот, кто умеет быть простым в сложных отношениях. Я не умею. Начал очень издалека.

– Послушайте, Екатерина Гамлетовна. Очень серьёзный вопрос. Нужно срочно, немедленно осмотреть ваш шрам. Ещё раз.

И ухватил её колено.

– Идите спать, Матвей Александрович. Катя Гамлетовна устала и сердита.

Она отобрала ногу и пошла в комнату. У дверей обернулась.

– И не забудьте завтра позвонить клиенту Еве. С самого утра. В шесть. Нет, в пять.

Можно было отшутиться, заболтать, поймать её руку. Довести до кровати и упасть. И опять болтать, целовать в ладонь, пока бастионы не обмякнут. Но Катя ушла в спальню, я остался в гостиной. Посидел немного, стал раскладывать диван. Ночью уже думал, можно бы вползти. Пусть не ловким ужом, хотя бы неуклюжим вараном, к ней под одеяло. Вот прямо сейчас. Или на рассвете. Она же спит в десяти метрах. И, наверное, не прогонит...

Я злился на Еву. Свалилась на бедную мою башку, холера прибалтийская. Всё испортила. Я отдал бы полмира за такой же вечер, но с ней. Игривой, отчётливо заграничной. Умеющей из поворота головы сотворить эротическое шоу.

* * *

Катя – стойк. Утром проснулась, как ни в чём ни бывало. Мурлыкала песню из репертуара Винни-Пуха. В машине рассказала, как подписывали договор с мебельщиками. Те хотели расплатиться за рекламу кухнями. У мебели наценка 70 процентов. Папа сказал, что добавит к нашей цене столько же. Сумма сделки получилась королевской. Если согласятся, будем всей фирмой торговать столешницами на базаре.

Я кругами ходил по офису, ждал десяти утра. Будить иностранную принцессу, пока совсем не рассвело, могут только очень самонадеянные люди. Ровно в десять спустился к машине. Квитанция лежала под сиденьем. Правда, выпала. Нашёл в телефоне вчерашний звонок. Набрал воздуха, нажал вызов. Очень, очень долгие четыре гудка. Успели вспотеть ладони. Потом щелчок и такое тёплое «Алё», что захотелось в него упасть.

– Здравствуйте, Ева.

* * *

Она ждала меня на Таврической. Её подруга, видимо, любила финский стиль в одежде. Взятая взаймы куртка походила на картофельный мешок. Но Ева относилась к тем счастливым прямоходящим, которым идут даже паруса и парашюты. По-настоящему изящное не испортишь, во что не заворачивай.

Перспектива экскурсии по городу Еву не восхитила. Она мёрзла в нашем декабре. Хотя, почему нашем. У неё там такой же. Зато выпить кофе согласилась. После химчистки. Забрали пальто, поехали к Ашоту. Заказали мясо и бутылку мальбека. Я сказал, что питерцы под кофе всегда подразумевают плотный ужин. Ева махнула рукой – несите всё.

В Риге названия закусовых заковыристей. Она рассказала, есть кафе «Четыре белые рубашки». Ещё есть «Почтальон звонит дважды». А её любимое заведение называется «Слава богу, пятница пришла».

Уселся за инструмент, как на коня вскочил.

Ева вскинула руки:

– Нет-нет, Матвей! Даже не пытайтесь соблазнять меня вот так, ройальным тарактением! Меня от Рахманинова укачивает.

Вторник в ресторанах скучный день. Ева улыбалась, смотрела в окно. Я перебирал блюзы и не мог придумать, как её удержать.

– Надо ехать, – сказала она.

– Послушайте, Ева. У меня нет фотоальбомов, чтобы попытать ими гостей. И обещаю не музицировать. Поехали ко мне. Просто чай пить. Или я готовлю прекрасный кофе. У меня колумбийский, с мятой. Турка медная, с круглым дном, как в учебнике. Только кофе, на полчаса. Или чай. Тоже с мятой. У меня там всё с мятой, даже пельмени. И вы удивитесь до чего целомудренны бывают музыканты.

– Пианист с туркой – я с трёх лет остерегалась встретить такого. Но вы другое дело, конечно. Особенно, когда не мучаете рояль. Спасибо, Матвей. В другой жизни, может быть...

– Ева, где логика? Ваша подруга, она с мужем помирилась?

– Вроде бы. С утра чуть не поубивали друг друга. Значит, отношения идут на поправку.

– Ну вот... Вы им будете мешать, а мне от вас сплошное счастье. Можете переночевать у меня, в тишине, за запертой дверью. Я один, комнат много. Целых две. И клянусь навсегда забыть, что такое Рахманинов. Соседи будут вам признательны. Поедьте ко мне, ради соседей.

– Мотенька, спасибо. Отвезите меня домой.

Снег совсем растаял. Плохо освещённая Таврическая сделалась обычной чёрной улицей, каких в декабрьском Питере полно. Больше, Питер из них и состоит. Ева вошла в подъезд, обернулась, махнула рукой. И всё. Будто Новый год прошёл, на дворе бесконечный январь и до весны трижды от тоски помереть успеешь. Впрочем, пусть. Даже лучше. Катя надулась. Ева вернётся в свою Латвию. Я представил, как буду жить совсем без женщин. Стану играть ещё и по понедельникам. Днём писать рекламу и колонки, а по ночам, может, книгу. Изредка ко мне

станут залетать случайные подружки, как мотыльки на нервный свет моего одиночества. И всем будет ужасно интересно, отчего я такой грустный и апатичный.

Я вернулся домой. Поставил машину. Когда уходила жена, помню, выл и прыгал на стены. У неё был любовник – внимательный, щедрый на цветы. Тоже музыкант, но куда более успешный. Звонил то из Франции, то из Бразилии. Я долго не скандалил. Верил, всё уляжется, она полетает, покружит – и вернётся. Однажды не выдержал, пошёл к гадалке. Мне хотелось знать, сколько ещё терпеть, чтобы жена раскаялась и снова прыгнула в мои объятия, широко раскинув ноги.

Прорицательницу рекомендовали родственники. Она оказалась свежей ещё дамой. Работала в сложной астролого-картёжной технике. Начиная со звёзд, потом брала всяких валетов и королей, выписывала таблицы чисел. Иногда махала руками, входила в лёгкий транс. При этом успевала стесняться. Просила прощения за недостаток опыта. Улыбчивая такая. Рассказала, сам Саи-Баба когда-то разглядел в ней способности и похвалил при большом стечении других прорицателей. У неё не было хрустальных шаров. Она не наносила на лицо сатанинской косметики, не применяла мрачных зазываний. Выглядела приличной женщиной.

Первое, что сказала: у жены другой мужчина. Я усмехнулся. Если мужик пришёл гадать, вряд ли дело в одной четвёртой финала Евролиги. Конечно, любовник. Сидели мы долго. Она чертила графики и схемы, записывала ходы в блокнот. Потом выдала результат.

Небесные звери решили единодушно: в области искусств мне светлая дорога. (Пианиста видно по пальцам, – подумал я). Однажды стану известен и богат. Не в следующий понедельник, но однажды. Прорицательница показала мне карту с бородатым клоуном, увитым вензелями. – Видите?

Я не видел, но с портретом незнакомца сложно было спорить.

А с семьёй – глухо. Сколько ни старайся, Сатурн всё разрушит. Или Плутон, сейчас не вспомню. В общем, ходит в небе какой-то негодяй. Он против моего счастья. Гадалка поставила чай и рассказала, как от неё самой ушёл муж. Она всё заранее высчитала, но предотвратить не могла. Против Плутона никто не выстоит, уж он очень здоровый.

Чай был ароматный, гадалка с ямочками на щеках. Наверное, если позвать её на ужин, она бы нашла, что сказать Сатурну. Но я тогда думал лишь, с кем сегодня ночует моя Оля.

Пришёл домой. Разулся, не включая свет. Как был в куртке, побрёл на кухню ставить чайник. Почувствовал, как в кармане подпрыгнул телефон. Пришла эсэмэска. В животе завозился некий важный орган, отвечающий за волнение. Вряд ли это Ева. В химчистку было сдано только пальто. С другой стороны, она могла написать «Спасибо за вечер». Или даже больше, чем спасибо. Вытащить трубку – две секунды. Если не путаться в рукавах и застёжках. Я рывком сбросил одежды, вырвал из кармана аппарат, как печень из вражеского тела.

Письмо от Кати. Всего одно слово: «Позвони».

Гадалка ошиблась. Это не Плутон против моей семьи. Это я сам против. Не был бы скотиной, может, и Оля не ушла бы. Я просто не хотел ни для кого стараться.

Только не сейчас, Катя. Потом.

Расстелил постель. Поплёлся в душ. Услышал как долго, долго звонит на кухне сотовый. Снова Катя, не иначе. Я стал намыливать мочалку. Не хочу поднимать. Скажу, что спал. Нужно будет

его зарядить, а то сдохнет завтра. После душа босиком вернулся на кухню. И не выдержал, посмотрел чей там звонок пропущен. Опять незнакомый номер. Самый лучший в мире незнакомый номер с двумя тройками в конце.

Ева долго не подходила. Потом сразу, без приветствий:

- Послушайте, Матвей. У меня деловое предложение. Спасите меня за деньги. Деньги маленькие, но я сама тоже не гиппопотам. Вы неосторожно предложили мне кровать и ванну. Я согласна. На всё. Обещаю мыть чашки. Умею делать гренки. И я не храплю. Пустите на две ночи, до четверга. Потом я оседлаю метлу и улечу.

- Ева, вы так спрашиваете, будто есть люди, не мечтающие вас заполучить в гости.

- Вы не поверите, Матвей. Некоторые тут вообще не ценят. Ругаются сами с собой, меня в скандал не берут. Словно Евочки нет в природе. Вы были правы, подруга бурно мирится с мужем. И я точно мешаю их бабьему лету.

- Ева. Ева, я буду через двадцать минут. Снизу позвоню.

- Ой, вы такой стремительный. У вас полотенце запасное найдётся?

<http://tl.rulate.ru/book/2201/42318>